

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ВЫСШЕГО БОГОСЛОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917—1918 гг.

Н. Ю. СУХОВА

магистр богосл., к.и.н. доцент ПСТГУ

Священный Поместный Собор 1917–1918 гг. явился событием, завершившим синодальный период истории Русской Православной Церкви. На Соборе обсуждались конкретные проблемы, стоявшие перед Русской Церковью в начале XX в., но при решении этих проблем использовался весь церковный опыт, накопленный за столетия, выработанные, но так и не использованные проекты, мнения, идеи. Участники Собора понимали, что эти обсуждения являются своеобразным подведением итогов синодального периода — во многом критикуемого, но, без сомнения, повысившего зрелость и углубившего самосознание Русской Церкви. Большая часть решений и проектов, выработанных на Соборе, оказалась нереализуемой в ситуации, сложившейся в России после 1917 г. Но эти материалы не пропали даром, составив наследство для эпохи возрождения церковной жизни в наши дни.

Многие важные вопросы не удалось обсудить на пленарных заседаниях Собора: его третья сессия проходила в экстремальных условиях лета — осени 1918 г. и была окончена по необходимости. Поэтому главные материалы некоторых отделов так и остались достоянием архивов. Вопросы духовного образования обсуждались на Соборе в двух отделах — о духовных академиях и о духовно-учебных заведениях: первый занимался проблемами высшего образования, второй — среднего и низшего. Вопросы второго отдела успели обсудить в соборных заседаниях, проблемы же высшей духовной школы и богословской науки были затронуты на общих заседаниях лишь в незначительной степени. Но именно эти проблемы оказались чрезвычайно актуальны для современной высшей богословской школы, ставящей ныне перед собой задачу качественного совершенствования и создания более удачных моделей высшего богословского образования. Поэтому материалы Отдела о духовных академиях, хранящиеся в фонде 3431 ГАРФ¹, представ-

---

¹ Документы Отдела о духовных академиях: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380–384; документы Отдела о духовно-учебных заведениях: Там же. Д. 385–392; Про-

ляют в наши дни особый интерес, как теоретический, так и практический. Сохранились протоколы всех заседаний Отдела, документы, составленные и обсуждаемые на заседаниях, делопроизводственные материалы: частные записки, мнения, предложения.

Главная задача, поставленная перед соборным Отделом о духовных академиях, была сформулирована достаточно конкретно: обсудить и доработать проект нового академического Устава, составленный в мае—июне 1917 г. комиссией из представителей всех четырех духовных академий. Однако дело осложнилось двумя обстоятельствами. Во-первых, каждое принципиальное положение проекта имело долгое и сложное прошлое в истории духовной школы, и это следовало учесть в максимально возможной степени. Во-вторых, ситуация в стране, положение Церкви и, следовательно, перспективы высшей богословской школы менялись во время проведения Собора быстро и настолько значительно, что приходилось постоянно пересматривать и заново обсуждать те или иные параграфы.

Следует несколько слов сказать о предыстории соборных обсуждений, то есть о том, как был составлен проект, который предстояло обсуждать. Вскоре после известных событий февраля 1917 г. 22 марта состоялось заседание Учебного комитета при Святейшем Синоде, в котором, по предложению обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова, обсуждался вопрос об изменениях в строе духовных академий². Был заявлен главный принцип изменений: согласование существующего порядка академического управления с современными задачами Православной Церкви и богословской науки³. Результатом обсуждения стало предложение о введении Временных правил духовных академий и разработке в ближайшее время нового Устава⁴. Эти Временные правила практически повторяли Временные правила, вводимые для духовных академий в 1905 г. и отмененные в 1908 г.,

---

екты устава иноческого содружества и богословской школы при иноческом братстве: Там же. Д. 376.

² Заседание возглавил председатель Учебного комитета архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), при участии членов Государственной Думы протоиереев А.В. Смирнова, Ф.Д. Филоненко, В.А. Потулова, И.С. Ключева и Н.Ф. Каптерева.

³ При обсуждении имелись в виду: а) Временные правила для православных академий, вводимые Святейшим Синодом в 1905 г.; б) проекты Устава, составленные Советами духовных академий в том же 1905 г.; в) пожелания членов Государственной Думы относительно изменений в строе академической жизни; г) предложения Совета ПгДА по изменению действующего Устава, выдвинутые в марте 1917 г.

⁴ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 78. Л. 8.

и содержали так называемые «принципы автономии»⁵. Временные правила были утверждены определением Святейшего Синода от 24–27 марта и отправлены в Советы всех четырех духовных академий для обсуждения⁶. При этом к правилам были присоединены еще некоторые предложения, внесенные членами Государственной Думы: принимать в академии выпускников духовных семинарий не только первого, но и второго разряда; отменить вступительные экзамены в академии; разрешить студентам академий проживать на частных квартирах; при замещении преподавательских должностей в академиях объявлять конкурсы. Все эти предложения вполне соответствовали окружающей обстановке и требованиям времени, но были не столь просты, имели определенную историю, и Советы академий должны были высказать свое мнение и по этим вопросам.

По получении отзывов от Советов академий предложения были утверждены Святейшим Синодом, с незначительными ограничениями, определением от 5–6 мая⁷. Одновременно с этим был созван в Петрограде, с благословения Святейшего Синода, съезд выборных представителей от Советов духовных академий для пересмотра действующего Устава и для составления нового, более соответствующего подлинным задачам духовных академий и требованиям времени. Комиссия профессоров, проработав до 5 июня, представила: 1) проект Временного устава православных духовных академий, подлежащий

---

⁵ То есть поставление духовных академий в непосредственное ведение Святейшего Синода, без посредства каких бы то ни было промежуточных органов; сведение власти епархиального архиерея над академией к почетному покровительству; введение в состав академического Совета всех или почти всех преподавателей; выборность ректора и инспектора; право Совета на окончательное признание всех ученых академических степеней. Новыми по сравнению с 1905 г. были два положения – отмена требования действующего Устава о вхождении в состав академического Совета не менее половины всех членов в священном сане (примечание к § 65 Устава духовных академий 1911 г.) и выборность Советом редакторов издаваемых при академиях журналов, – в также предложения депутатов Государственной думы: о разрешении приема в академии семинаристов-второкурсников и отмене вступительных экзаменов.

⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 78. Л. 3–6.

⁷ К этому времени изменился состав Учебного комитета при Святейшем Синоде: 26 апреля председателем вместо архиепископа Сергия (Страгородского) стал протоиерей Константин Агтеев; от обязанностей членов комитета были освобождены протоиерей Тимофей Буткевич и профессор церковного права Харьковского университета М.А. Остроумов, введены же в состав профессор ПгДА Б.В. Титлинов и некоторые другие лица. Но, согласно принятым Временным правилам, высшая духовная школа не зависела теперь от Учебного комитета, подчиняясь непосредственно Синоду. См.: Временные правила для православных духовных академий. П. 2 // РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 78. Л. 8.

введению в жизнь с начала 1917/1918 уч. г.; 2) проект Нормального устава, вносящий в штаты и в учебные планы духовных академий такие изменения, которые не могут быть осуществлены без предварительного сношения духовной власти с гражданской; 3) общую Объяснительную записку к обоим проектам, в которой были прокомментированы основные принципы новых Уставов⁸. Проект Временного устава был утвержден, с некоторыми поправками, Святейшим Синодом в заседании 21 июля 1917 г., причем Святейший Синод признал необходимым внести его «на уважение Временного Правительства»⁹. Обсуждение проекта Нормального устава и принятие его окончательного варианта должно было состояться на предстоящем Поместном Соборе.

Священный Собор Православной Российской Церкви¹⁰ открылся в Москве 15 (28) августа 1917 г., в день Успения Пресвятой Богородицы. В состав Собора вошло 12 выборных представителей от духовных академий (по три от каждой), однако профессора академий участвовали в Соборе и по другим представительствам (как члены Предсоборного совета, от монашествующих, от епархий). Соборные отделы, кроме Отдела о личном составе и Редакционного, формировались по предварительной записи из всех желающих в них участвовать членов Собора. В первые два дня работы Собора в Отдел о духовных академиях записался 41 участник, 38 из которых были выпускниками духовных академий, а подавляющее большинство – и профессорами, настоящими или бывшими. В дальнейшем (на третьей сессии) в состав Отдела были введены еще два члена: епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк), ректор КазДА, и протоиерей Константин Аггеев, выпускник КДА и председатель Учебного комитета¹¹. Однако посто-

---

⁸ Эти документы, а также протоколы заседаний Комиссии профессоров 1917 г. см.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 91. Л. 1–83.

⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 36–36 об.

¹⁰ Собор в период подготовки именовался Поместным Всероссийским Церковным Собором, в начале первой сессии Соборный Совет установил название Священный Собор Православной Российской Церкви.

¹¹ Анатолий (Грисюк Андрей Григорьевич) (1880–1938), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии и ректор КазДА. Окончил Кременецкое ДУ (1894), Волынскую ДС (1900), КДА (1904). В 1903 г. пострижен в монашество, в 1904 г. рукоположен во иеромонаха. С июня 1905 г. исполнял должность доцента в КДА. С 1911 г. магистр богословия, доцент; архимандрит; с 1912 г. экстраординарный профессор. С июня 1912 г. инспектор и профессор кафедры Истории Древней Церкви в МДА; с мая 1913 г. ректор КазДА. В июне 1913 г. хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. Руководил КазДА даже после ее официального закрытия, вплоть до марта 1921 г., был арестован и осужден на год принудительных работ. В дальнейшем епископ Самарский и Ставропольский (1922–1923), архиепископ Одесский (1928) и член Вре-

янно присутствующих и активно действующих членов Отдела было не так много, что затрудняло, а иногда делало невозможным принятие окончательных решений по важным вопросам. Особенно остро эта проблема встала на третьей соборной сессии.

Отдел о духовных академиях работал на протяжении всех трех соборных сессий, проведя в общей сложности 44 заседания (11, 18 и 15 соответственно). Председателем Отдела был избран профессор ПгДА протоиерей Александр Рождественский, почетным председателем — архиепископ Казанский Иаков (Пятницкий), заместителями председателя — профессора МДА И.В. Попов и КДА В.П. Рыбинский¹².

менного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском). С 1932 г. митрополит, в 1934–1935 гг. временно управляющий Харьковской епархией, с 1936 г. вновь в Одессе. В августе 1936 г. арестован, осужден по статье 54–10 («систематическая контрреволюционная работа») и приговорен к пяти годам в исправительном трудовом лагере и отправлен в Ухт-Печорский лагерь. В 1997 г. причислен к лику местночтимых святых Украинской Православной Церкви, на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 г. включен в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

Агеев Константин Маркович (1868–1920 (или 1921), протоиерей. Окончил Тульскую ДС (1887) и КДА (1893). В 1893 г. рукоположен в диакона, священника, назначен священником Успенского собора в городе Суwalkи (Царство Польское). С 1900 г. настоятель церкви Александра Невского при Николаевском институте в Киеве. С 1903 г. служил в храмах при различных учебных заведениях Санкт-Петербурга (Институт инженеров путей сообщения, Смольный институт, Александровский институт, Ларинская гимназия); с 1906 г. настоятель церкви св. мученицы Татианы при Ларинской гимназии. С 1911 г. профессор богословия Психоневрологического института, затем Петербургских Высших женских курсов, Института высших коммерческих знаний. С 1915 г. магистр богословия. Один из учредителей Петербургского религиозно-философского общества и Братства церковного обновления; член «Группы 32-х священников», выступившей с инициативой реформирования Православной Российской Церкви. В апреле 1917 г. назначен председателем Учебного комитета при Святейшем Синоде; член совета Всероссийского демократического союза духовенства и мирян; член Предсоборного Совета. На Поместном Соборе избран заместителем члена Высшего Церковного Совета. После Собора служил в Петроградской епархии, затем уехал на юг России; расстрелян как «контрреволюционер» после занятия Крыма Красной армией.

¹² Рождественский Александр Петрович (1865–1930), протоиерей. Окончил Псковскую ДС (1886) и СПбДА (1890). С 1896 г. магистр богословия; с 1911 г. — доктор богословия. С 1902 г. профессор СПбДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета. В 1903 г. рукоположен во священника и назначен настоятелем церкви свт. Николая при Мариинском дворце. Законоучитель дочерей императора (1904–1910). В дальнейшем член Временного церковного управления (ВЦУ) на юго-востоке России (1919). С 1920 г. в эмиграции в Болгарии; профессор Богословского факультета Софийского университета (1922); с 1923 г. в отставке. Скончался в Моравской Тшебове в Чехословакии.

И.В. Попов принял на себя и обязанности делопроизводителя. Был определен план занятий: постатейное чтение и разбор Объяснительной записки и проекта Нормального устава духовных академий, выработанных Комиссией делегатов духовных академий в мае—июне. Кроме трудов этой Комиссии, было решено использовать труды Предсоборного присутствия, старые уставы духовных академий и их официальные проекты (1810, 1814, 1869, 1884, 1910, 1911 гг.)¹³ Таким образом, члены Отдела брали на себя обязательство учесть весь опыт столетней деятельности и творческого поиска высшей духовной школы. На пленарные заседания Собора было решено представлять результаты не в форме детально разработанных положений нового Устава духовных академий, а в форме кратких принципиальных положений, на которых этот Устав будет основываться. От самого Собора будет зависеть, ограничиться ли рассмотрением этих общих положений или заняться детальным рассмотрением Устава.

За время первой сессии Отдел о духовных академиях успел рассмотреть лишь часть проекта Нормального устава и две части Объяс-

---

Иаков (Пятницкий Иван Андреевич) (1844—после 1922), архиепископ Казанский и Свяжский, впоследствии митрополит. Окончил Калужскую ДС (1866) и МДА (1870). С 1872 г. смотритель Мещевского ДУ; с 1873 г. преподаватель основного и догматического богословия Вифанской ДС. С 1878 г. магистр богословия. В 1886 г. принял монашеский постриг, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. С сентября 1886 г. ректор Вифанской ДС и архимандрит. В марте 1891 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1892 г. епископ Уманский, викарий Киевской епархии; с 1893 г.— Чигиринский; с 1898 г. Кишневский и Хотинский; с 1904 г. архиепископ Ярославский и Ростовский; с 1907 г. Симбирский и Сызранский; с 1910 г.— Казанский и Свяжский; с ноября 1917 г. митрополит. В сентябре 1918 г. с белочехами покинул Казань; с 1919 г. возглавлял Иркутскую кафедру, с 1920 г. Томскую епархию, в апреле 1921 г. ушел на покой и был назначен настоятелем Московского Симона монастыря. С марта 1922 г. в тюремном заключении.

Попов Иван Васильевич (1867—1938), профессор МДА. Окончил Вяземское ДУ (1882), Смоленскую ДС (1888), МДА (1892). Доцент, затем профессор кафедры патрологии. С 1897 г. магистр богословия; с 1917 г. доктор церковной истории. С 1906 г.— приват-доцент, профессор Московского университета. В 1917 г. профессор Высших женских богословско-педагогических курсов (1917), неофициальных академических богословских курсов (1919—1926). В 1926—1931 гг. в ссылке на Соловках; в 1931—1938 гг. в тюрьмах и ссылках. Расстрелян в Енисейске (Красноярский край). В 2003 г. причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Рыбинский Владимир Петрович (1867—1944), профессор КДА. Окончил Тамбовскую ДС (1887) и КДА (1891). С 1893 г. магистр богословия и доцент КДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; с 1904 г. экстраординарный профессор. С 1913 г. доктор богословия и ординарный профессор.

¹³ См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 24.

нительной записки — вводную и административную. Вводная часть содержала основные принципы новой концепции высшей духовной школы, а административная должна была определить место высшей духовной школы в церковно-организационной структуре, отношения с высшими органами церковного управления, внутреннее устройство академий¹⁴. В процессе обсуждения затрагивались отдельные вопросы учебного процесса, например, проблема преподавания в академиях Священного Писания, но подробное и последовательное их обсуждение было отложено на последующие заседания Отдела. В результате было принято 8 основных положений, которые были представлены Соборному Совету в форме доклада. Докладчиками от Отдела были избраны профессоры: протоиерей Александр Рождественский и И.В. Попов¹⁵.

В Основных положениях, прежде всего, определялось, что есть духовная академия и каковы ее основные задачи. Формулировка этих положений вызвала напряженные дискуссии при составлении прежних уставов духовных академий, бурно обсуждалась и теперь. Развитие богословской науки, подготовка духовно-педагогических кадров, воспитание пастырей, организация духовного просвещения — какая из этих задач является не просто важной для академий, но уникальной, определяющей их место в Церкви? Подавляющим большинством голосов Отдел определил, что академии должны служить Церкви, прежде всего, «разработкой и преподаванием богословской науки в связи с соприкосновенными отраслями знаний»¹⁶.

Академии стремились поставить себя в высшее ведение Церковного Собора, а в межсоборные периоды — в ведение Высшего Церковного Управления, состоявшего теперь из Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Как учреждения, обслуживающие научно-образовательные потребности не отдельной епархии, но всей Русской Церкви, академии лишь от Высшего церковного уп-

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–36 об.

¹⁵ Текст доклада Отдела о духовных академиях «Об основных началах преобразования духовных академий» см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–5 (рукопись); 6–7 об., 8–9 об., 10–11 об., 12–13 об. (четыре экземпляра печатных) Или: текст предисловия, составленного И.В. Поповым (см.: Там же. Д. 380. Л. 36–36 об.). Текст Основных положений: Там же. Д. 381. Л. 46–47.

¹⁶ См.: Основные положения, выработанные Отделом о духовных академиях. П. 1 (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 46). В Объяснительной записке указывалось, что именно выделением научной задачи академий как основной новый Устав должен оппонировать Уставу 1911 г. Беда последнего, по мнению большинства членов Отдела, состояла в обострении «до крайности» «антагонизма научных и воспитательных задач академии» (см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 251–253).

правления готовы были принимать определение круга своих обязанностей, регламентацию и необходимую проверку деятельности, ему отчитываться через Советы о тех или иных изменениях во внутренней жизни. Патриарх однозначно был заявлен «верховным Покровителем и Почетным Членом всех духовных академий», дающим академиям «ученые поручения» и получающим отчеты об их исполнении¹⁷. Введение личностного начала в высшее управление академиями внушало надежды на более своевременное, осознанное и ответственное решение многих проблем.

Все остальные организационно-административные вопросы определялись в этом документе в духе Временных правил, то есть опирались на основные принципы «автономии»: сведение власти епархиального архиерея к «почетному покровительству»; расширение прав Совета академии и включение в его состав всех членов преподавательских корпораций; выборность ректора, проректора и избрание по конкурсу всех профессоров и преподавателей; дарование академиям права окончательного утверждения во всех ученых богословских степенях.

Анализ Основных положений позволяет выделить три главных принципа, которыми руководствовались их авторы: контрпозиция по отношению к частично действующему Уставу 1911 г.¹⁸; симпатия к Временным правилам, принятым в марте; послушание новой церковной власти – восстановленному в конце первой сессии Собора Патриаршеству и возрождаемой соборной жизни. Противостоял критике Устава 1911 г. один из его составителей и вдохновителей – архиепископ Антоний (Храповицкий), но поддержки среди членов Отдела эта апология не получила.

Собравшись после рождественских каникул на вторую соборную сессию, члены Отдела о духовных академиях ознакомились с рядом новых документов, касающихся материального положения академий и служащих в них¹⁹. Профессору И.В. Попову было поручено внести

---

¹⁷ См.: Основные положения, выработанные Отделом о духовных академиях. П. 2–5 (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 46–47).

¹⁸ Устав 1911 г. был признан большей частью членов Отдела «самым неудачным» за все время существования высшей духовной школы (см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 12).

¹⁹ Два определения Синода, от 17 января 1918 г. за № 135 об изменении штатов духовных академий и от 18 января за № 167 об улучшении содержания служащих в духовных академиях, журнал заседаний Комиссии «для выработки мероприятий по обеспечению служащих в учреждениях *Святейшего* Синода» от 23–25 января (так как с декабря 1917 г., после восстановления Патриаршества, новый орган, входящий в состав Высшего Церковного Управления, получил наименование *Священного* Синода, в документе, видимо, описка) и определение Синода от 26 января по этому вопросу (см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 37).

в параграфы проекта Нормального устава соответствующие редакционные изменения. Всю вторую сессию Отдел продолжал рассматривать проект Устава²⁰, и в итоге Устав был приготовлен для представления Собору и принят в целом на заключительном заседании второй сессии 3 (16) апреля. Но представление полного текста Устава Собору было отложено, ибо необходимо было четко сформулировать обоснование его главных идей. Это было сделано профессором И.В. Поповым в Объяснительной записке к Уставу²¹. Кроме того, было подготовлено дополнение к докладу об общих положениях «О введении в действие новых штатов православных духовных академий»²². На заключительном заседании второй сессии 3 (16) апреля председателем Отдела протоиереем Александром Рождественским было констатировано: «Главным своим заданием Академический Отдел имел составление Устава православных духовных академий. Задание это исполнено»²³. Но некоторые параграфы Устава, касающиеся круга лиц, принимаемых в духовные академии, правил приема, цикла вводных лекций, набора базовых предметов и т.д., необходимо было согласовать с решениями Собора относительно средних духовно-учебных заведений. Еще в 28-м заседании Отдела о духовных академиях приглашенный туда заместитель председателя Отдела о духовно-учебных заведениях протоиерей Константин Аггеев изложил проект Положения о преобразовании духовных семинарий, принятый большинством членов их Отдела и представленный на рассмотрение Собора. Но среди членов Отдела о духовно-учебных заведениях возникли серьезные расхождения, бурные дискуссии вызвал этот вопрос и на пленарных заседаниях Собора²⁴. Наконец, 7 (20) апреля 1918 г. состоялось опре-

²⁰ За время второй сессии Собора Отдел о духовных академиях провел 18 заседаний с 30 января по 3 (16) апреля 1918 г. Материалы этих заседаний см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 37–107.

²¹ Записка эта в черновом виде была представлена в Соборную канцелярию 30 апреля (13 мая) 1918 г., уже после того, как доклад об основных положениях на заседании Собора 6 (19) апреля 1918 г. доклада об основных положениях нового Устава был рассмотрен на заседании Собора (это состоялось 6 (19) апреля 1918 г.) и было решено передать сам доклад, и выработанный Отделом Устав православных духовных академий Высшему церковному управлению для рассмотрения и введения по мере возможности. Текст Объяснительной записки см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 251–262.

²² Это дополнение было внесено в Соборную канцелярию 4 (17) апреля 1918 г.; докладчиком был избран проф. М.Н. Васильевский (см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 19–20 об., 56–57 об., 58–59 об.).

²³ Там же. Д. 381. Л. 263.

²⁴ Члены Отдела о духовно-учебных заведениях предложили три возможных варианта средней духовной школы: 1) духовная семинария существующего

деление Собора о духовных семинариях и училищах и пастырских училищах²⁵, которым сохранялись духовные семинарии и училища в прежнем административном и учебно-воспитательном строе, с предоставлением Высшему Церковному Управлению права проведения в нем необходимых улучшений. Наряду с духовными семинариями в епархиях предполагалось учреждение пастырских училищ, по мере надобности. Согласование соответствующих параграфов Устава духовных академий с этим соборным определением предстояло произвести в заседаниях третьей сессии.

В конце второй сессии, 6 (19) апреля 1918 г., на пленарных заседаниях были заслушаны и два доклада самого Отдела о духовных академиях: об основных началах преобразования духовных академий и о введении в действие новых штатов православных духовных академий²⁶. Серьезного обсуждения не получилось ввиду нехватки времени. Большинство присутствующих на заседании членов считали, что столь важные вопросы необходимо обсудить на Соборе и дать какое-то содержательное заключение или рекомендации²⁷. Но было принято, по предложению протоиерея Петра Миртова, решение о передаче этого доклада Высшему Церковному управлению для рассмотрения и введения в действие по мере возможности. Это решение легло в основу постановления Собора «О духовных академиях»²⁸. Штатно-финансовые вопросы – установление новых должностных окладов и

типа, то есть сочетающая общее среднее образование и пастырскую подготовку; 2) богословско-пастырская семинария; 3) пастырское училище с неполным упрощенным богословским образованием. Доклад Отдела о духовно-учебных заведениях «О типе и управлении духовно-учебными заведениями» (докладчики: протоиерей Константин Аггеев и архимандрит Вениамин (Федченков)) рассматривался в соборных заседаниях 2 (15), 3 (16), 4 (17), 6 (19) апреля 1918 г. Протоколы см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 122. Л. 27–79; Д. 123. Л. 19–41; Д. 124. Л. 10–57; Д. 125. Л. 31–71; Д. 128. Л. 57–90. См. также: РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–69, 74–119, 120–187. Д. 15. Л. 3–66, 70–124, 203–282.

²⁵ См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Т. 3. С. 53.

²⁶ Протокол № 128. См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 129. Л. 13–36 (рукопись); РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–41 (машинопись) – Выписка из протокола № 128 по докладу см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 21–22.

²⁷ О невозможности передавать тезисы Высшей церковной власти без предварительного обсуждения говорили в 128-м заседании митрополит Тифлиссский Кирилл (Смирнов), князь Е.Н. Трубецкой, С.А. Котляревский, И.М. Громогласов, Л.К. Артамонов, С.Н. Булгаков. См.: РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 16. Л. 17–20.

²⁸ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Т. 3. С. 52. Постановление было официально принято 7 (20) апреля 1918 г. (см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 130. Л. 59–90; РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 16. Л. 47–112).

пенсий сотрудникам академий²⁹, исчисление срока службы для установления пятилетних надбавок — были решены положительно.

В чем состояла духовно-учебная концепция предложенного проекта Устава? Авторы старались учесть, с одной стороны, все лучшие идеи предыдущих уставов духовных академий и их ошибки, с другой стороны, современную ситуацию, развитие науки, структуру образования, новые мысли, высказанные в обсуждениях последних лет. Были выделены две коренные проблемы высшего духовного образования в России — многопредметность и отсутствие правильно организованной специализации, с одной стороны, слабая общая подготовка к разработке богословских наук, с другой, — и «учебные» параграфы Устава были направлены на их решение. После бурных дискуссий большинством присутствовавших на заседаниях членов Отдела было решено в целом поддержать учебную концепцию, предложенную в проекте Нормального устава.

Главным принципом этой концепции было сочетание полноты базового (общеобязательного) курса и специализации на старших курсах по пяти основным богословским направлениям: библейскому, богословско-философскому, церковно-историческому, богословско-словесному, церковно-практическому. Общеобязательный курс включал 19 предметов, и при его формировании были выработаны определенные принципы. В число базового образования были включены: 1) науки, изучающие общие источники богословского знания (Священное Писание Ветхого и Нового Завета и патрология); 2) богословский минимум (основное богословие, догматическое богословие, христианская этика, общее учение о праве и государстве, церковное право, история Древней Церкви, история Греко-Восточной Церкви, история Русской Церкви, сравнительное богословие, литургика); 3) предметы, дающие необходимые орудия богословского исследования (история философии, психология, еврейский, греческий и латинский языки); 4) педагогика, ибо большинству выпускников предстояла педагогическая деятельность на учебном или пастырском поприще. Было особо отмечено, что специализация и даже выбор ее направления не должны быть ранними: студенты только по окончании базового образования могут осмысленно и компетентно выбрать область научно-богословской деятельности.

Важной составляющей предлагаемой учебной концепции было введение практических занятий, причем сопровождать они должны

---

²⁹ См.: Церковные ведомости. 1918. № 7–8.

были как базовые, так и специальные лекционные курсы. Жанр практических занятий имел непростую судьбу в истории высшей духовной школы. Необходимость активной работы студентов в аудитории под руководством преподавателя, чтения и аналитического разбора текстов, обсуждения идей и исследований ощущалась еще в середине XIX в. Эту проблему пытались решить дважды: реформа 1869 г. вводила специально-практические занятия для студентов выпускного курса, а реформа 1910–1911 гг. — общеобязательные практические занятия по всем учебным дисциплинам³⁰. Оба опыта члены Отдела о духовных академиях признали не совсем удачными, хотя учли и их достижения, и традицию семинаров в западных университетах, показавшую себя жизнеспособной и полезной. Нормальный устав вводил двойную систему семинарских занятий. Практические занятия, сопровождающие общие курсы, должны были знакомить студентов с ученой и учебной литературой, воспитать в них навык к чтению и усвоению серьезных книг и навык разбираться в методах и тенденциях крупных научных произведений. Практические занятия, соединенные со специальными курсами, должны были состоять в анализе источников и составлении самостоятельных письменных работ на предложенные профессором вопросы. При этом традиционные для духовных академий третные, семестровые и курсовые сочинения предлагалось поставить в связь с практическими занятиями и тематически, и методически. Это должно было дать максимальный эффект при минимизации временных затрат и внести в самостоятельные занятия студентов определенную гармонию.

Особый акцент был сделан на достаточной подготовке к научной богословской деятельности, в частности на высоком уровне историко-филологической базы. Недостаточный уровень знания еврейского, греческого, латинского, восточных языков не позволял самостоятельно и компетентно разрабатывать источники, полемизировать и правильно оценивать труды иностранных авторов. Новый академический Устав вводил ряд предметов языкознания, истории и литературы языков, причем рекомендовал в качестве преподавателей специалистов из соответствующих высших школ: университетских факультетов, специализированных институтов.

---

³⁰ Практические занятия, введенные по Уставу 1869 г., не были в должной степени продуманы и организованы. Практические занятия, введенные по Уставу 1910 г., имели иной минус: все студенты участвовали в практических занятиях по всем предметам, профессору приходилось заниматься одновременно с целым курсом студентов, более ста человек, и практические занятия теряли эффективность и перегружали студентов.

Шагом вперед было предложенное Отделом разделение профессорского стипендиатства, как системы учебно-научной подготовки к профессорским кафедрам, и приват-доцентуры. Институт профессорских стипендиатов должен был стать полноценной системой целенаправленной подготовки к профессорским кафедрам, при этом было рекомендовано шире использовать возможность длительных заграничных командировок в европейские университеты, работы в семинарах лучших специалистов в тех или иных областях богословия. Приват-доцентуру же предлагалось реанимировать в стенах высшей духовной школы и поставить перед ней две задачи: специальная учебно-научная разработка особых, мало изученных и требующих повышенного внимания разделов наук, предоставление молодым преподавателям возможности ввести в учебный оборот свои научные разработки и приобщить к своей деятельности студентов старших курсов. Таким образом, приват-доцентура должна была составить систему авторских спецкурсов и спецсеминаров.

Как и в Основных положениях, в Уставе проводилась главная идея: служение Церкви наукой может быть основным делом жизни, и от работников богословской науки нельзя требовать в обязательном порядке какого-либо иного служения. Приводился главный аргумент: иметь научно-богословские центры, соответствующие современному уровню развития науки и культуры – жизненно важно для Церкви и для России. Это стремление к неразрывному единству Церкви, науки, культуры, как отмечали участники Отдела, было всегда живой церковной традицией и значение этого единства «хорошо понимали в свое время учителя Восточной Церкви»³¹.

На последней соборной сессии занятия Отдела о духовных академиях состояли из двух основных частей: обсуждения проекта Высшей церковно-богословской школы (первые восемь заседаний) и доработки некоторых параграфов Нормального устава (семь последних)³². Проект Высшей церковно-богословской школы был разработан епископом Волоколамским Феодором (Поздеевским) и архимандритом Гурием (Степановым) во исполнение решения Съезда ученого монашества, состоявшегося в июле 1917 г. в Троице-Сергиевой лавре, и передан в Отдел о духовных академиях для составления мотивированного заключения. Проект Высшей Церковно-богословской школы подвергся в заседаниях академического Отдела серьезной критике.

³¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 254–255.

³² Во время третьей соборной сессии Отдел о духовных академиях имел 15 заседаний с 20 июня (3 июля) 1918 г. по 3 (16) сентября 1918 г. Протоколы заседаний см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 108–138, 139–163 об.

Несправедливой казалась жесткая оценка существующих академий, воспитавших все же достойных архипастырей, пастырей и иноков, в том числе, и авторов проекта. Но главное — критиковались учебно-научные изменения, предложенные в проекте. Сокращение академического курса до состояния богословского факультета, то есть выведение из учебных планов небогословских наук, губительно для научного богословия: без серьезной историко-филологической подготовки, основательных знаний в древних языках невозможна работа с первоисточниками. Как именно авторы планируют развивать богословскую науку в строго церковном духе — из проекта неясно. Первый вариант отзыва Отдела, составленный профессором ПГДА Б.В. Титлиновым, был, как и можно было ожидать, резко отрицательным. Окончательный же вариант отзыва был более мягок и доброжелателен. Высшая Церковно-богословская школа не признавалась за новый тип школы, но Отдел ничего не имел против ее создания³³. Профессору И.В. Попову было поручено выступить в заседании Собора, если будет поднят вопрос об учреждении Высшей церковно-богословской школы, и огласить замечания, высказанные во время обсуждения проекта в Отделе о духовных академиях³⁴. 14 (27) декабря 1918 г. состоялось определение Высшего Церковного Управления: одобрить в принципе проект Высшей Церковно-богословской школы, поручив авторам его доработать; но принять содержание этой высшей школы на счет центральной церковной казны лишь тогда, когда для этого явятся благоприятные условия³⁵.

Начиная с 37-го заседания (2 (15) августа 1918 г.) Отдел о духовных академиях вновь занимался обсуждением Устава духовных академий. Те параграфы, которые касались вопроса о материальном поло-

³³ См.: Там же. Д. 383. Л. 9–20.

³⁴ Вопрос об ученом монашестве обсуждался в заседаниях Собора 26 июля (8 августа) и 27 июля (9 августа) при рассмотрении доклада Отдела о монастырях и монашествующих «Об общем положении для монастырей и монашествующих» (разделы «Об ученом монашестве», «О пострижении в иночество», «Иноческое всероссийское церковно-просветительское братство»). Протоколы № 140 и 141. См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 143. Л. 54–119; Д. 144. Л. 118–187. Однако вопрос о проекте Высшей церковно-богословской школы так и не встал. В заседании Собора 31 августа (13 сентября) было принято определение Собора «О монастырях и монашествующих» (Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Т. 4. С. 31–43) с главами «Об ученом монашестве» (гл. XIV; § 83–90) и «Иноческое Всероссийское Церковно-Просветительное Братство» (гл. XV; § 91–97); доклад же «О высшей церковно-богословской школе» Собор передал на разрешение органов Высшего церковного управления.

³⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 149–149 об.

жении академий, следовало согласовать с принятым Собором определением о штатах академий, — это было поручено сделать комиссии из четырех членов Отдела³⁶. Но дополнительного обсуждения Отдела требовали вопросы, связанные с учебным планом Устава. Замечания по этой части Устава представила особая комиссия МДА, существенные возражения высказаны были членами корпорации ПгДА, поступили в Отдел и личные записки некоторых профессоров по отдельным вопросам (система контроля, практические занятия и т. д.)³⁷. Кроме того, требовали окончательной формулировки параграфы, касающиеся приема в академии. Обсуждения показали, что к единому мнению по некоторым вопросам — состав общеобязательного курса, состав предметов по отделениям — прийти невозможно, но некоторые коррективы в прежние решения все же были внесены. Результатом был составленный и утвержденный в последнем заседании Отдела Дополнительный доклад с принятыми Отделом изменениями в некоторых параграфах уже поданного 12 (25) апреля Устава духовных академий³⁸. Принципиальных изменений в Устав этот доклад не вносил, но был сокращен состав общеобязательных дисциплин и, соответственно, усилены группы специализации. Общая тенденция — перенесение основного акцента на специализацию, глубокое и научное изучение определенной области богословия каждым студентом. Таким образом, академии сохраняли за собой статус специальных высших богословских школ и требовали от поступающих определенного уровня знаний по основным богословским дисциплинам. Дополнительный доклад был представлен в Совет Собора 5 (18) сентября³⁹, однако, «ввиду невозможности до перерыва занятий Собора рассмотреть этот доклад на Соборе», он был передан в числе других оставшихся нерассмотренными докладов на разрешение Высшего церковного управления (ВЦУ)⁴⁰. Также нерассмотренными и переданными в ВЦУ остались сам доклад «Об Уставе православных академий» и доклад «О высшей церковно-богословской школе»⁴¹.

³⁶ Профессорам С.С. Глаголеву, И.И. Соколову, Ф.М. Россейкину, М.Н. Васильевскому.

³⁷ См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 130–132об., 132а–132б об., 267–268 об.

³⁸ См.: Там же. Д. 382. Л. 75–78.

³⁹ См.: Там же. Л. 74.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 79 (выписка из протокола соборного Совета от 6 (19) сентября 1918 г.).

⁴¹ Протокол заседания Собора № 170 от 7 (20) сентября 1918 г. (см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 173. Л. 53–67 (протокол); 71–186). Выписка из протокола (см.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 80–80 об.).

Таким образом, обсуждение духовно-учебных вопросов и решения, принятые Отделом о духовных академиях, не получили не только практического воплощения, но даже и должного обсуждения на пленарных заседаниях Собора. По сути, высшего духовного образования касалось лишь одно постановление Собора: «Об основных началах преобразования и введения в действие новых штатов православных Духовных Академий»⁴². Отчасти к высшему духовному образованию относится и соборное определение «О монастырях и монашеских», в главах, посвященных ученому монашеству и возможности создания Иноческим Всероссийским Церковно-Просветительным Братством особых духовных школ, в том числе и высших⁴³. Но после 1918 г. система традиционного духовного образования в полноте своей уже не существовала, и даже полноценно обсужденный Устав ввести было бы невозможно⁴⁴.

Академии продолжали некоторое время свою деятельность после 1918 г., но в решении насущных вопросов руководствовались уже не уставами, а конкретными историческими условиями, наличными педагогическими силами, составом слушателей, представившимися помещениями. Поэтому обсуждение большинства духовно-учебных проблем на заседаниях Отдела о духовных академиях стало, как кажется, историей предыдущей эпохи. Однако возрождение и определенная стабилизация положения духовной школы в настоящее время поставили задачи, многие из которых стояли и перед членами Собора 1917–1918 гг. Это ставит вопрос о наиболее плодотворном использовании материалов Собора.

---

⁴² См.: Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «Об основных началах преобразования и введения в действие новых штатов православных Духовных Академий» // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Т. 3. С. 52.

⁴³ См.: Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашеских от 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Т. 4. С. 31–43. Гл. XIV. Об ученом монашестве. § 83–90; Гл. XV. Иноческое Всероссийское Церковно-Просветительное Братство. § 91–97.

⁴⁴ На 169 заседании (III сессия, 6 (19) сентября 1918 г.) Собор принял решение: управление духовно-учебными заведениями, церковно-приходскими школами и законоучительством в светских учебных заведениях сосредоточить в Школьно-Просветительном Отделе Высшего Церковного Совета, с упразднением прежних управляющих органов – Учебного комитета и Училищного Совета. Учебный комитет был упразднен 21 сентября (4 октября) по постановлению соединенного присутствия Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета. См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 172; РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 26. Л. 85; РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 20. Л. 167–168.

Подводя итог рассмотрению, в работе Отдела о духовных академиях можно выделить три важные составляющие: синтез опыта, накопленного высшей духовной школой за 110 лет, попытки решить актуальные проблемы, поставленные перед духовной школой определенной временной обстановкой (вопросы «настоящего дня»), и новые идеи, нацеленные на перспективу и требующие опытной проверки. Первую необходимо изучать, ибо это та традиция, которая не только позволяет не повторять старые ошибки, но помогает найти верные и жизненные решения проблем, возникающих в современной духовной школе. Вторая составляющая, хотя и не имеет конкретного применения в изменившихся условиях, представляет пример оперативного реагирования духовной школы на внешние условия, решения частных вопросов на базе многолетнего опыта. Наконец, третья составляющая представляет «банк идей», которые так или иначе, непосредственно или конструктивно, могут быть используемы современной высшей богословской школой.

Ситуация изменилась, организационно-административные вопросы, связанные с деятельностью высших духовных школ, приходится решать по-иному, учитывая современные отношения Церкви и государства, общественные настроения. Отчасти претерпело изменение и поприще служения выпускников высшей духовной школы: кроме основных — пастырского, духовно-педагогического, научно-богословского делания, появилось много других сфер, требующих высших богословских знаний. Но проблемы, связанные с учебной и научной сторонами академической жизни, вопросы о месте академий в церковной жизни и обязанностях перед Церковью, отношения со светской наукой невозможно решать без учета исторического пути российской духовной школы, а также многолетнего опыта, удачного и неудачного. Для всестороннего обсуждения и взвешенного решения этих сложных вопросов необходим круг компетентных собеседников, способных аналитически осмысливать сущностные вопросы богословского образования и науки. Современный опыт не столь велик, поэтому привлечение лучших идей предшественников как никогда актуально. Многие идеи, положенные в основу неутвержденного Устава духовных академий 1917–1918 гг., высказанные при обсуждении соображения относятся как раз к этому полезному и очень актуальному наследию.

ISSUES OF HIGHER THEOLOGICAL EDUCATION DISCUSSED AT THE LOCAL COUNCIL HELD IN 1917-1918

BY N. SUKOVA

The Local Holy Council of 1917-1918 was a culmination of the synodal period in the history of the Russian Orthodox Church. The Council discussed a lot of particular problems the Russian Orthodox Church was faced with at the beginning of the 20th century, but the solution of these problems required the entire Church experience accumulated over a few centuries, as well as the projects, opinions and ideas which hadn't been put in practice. The participants of the Council were aware of the fact that those discussions constituted a peculiar summing-up of the synodal period, later much criticized. This period undoubtedly contributed to deepening of self-actualization of the Russian Orthodox Church. The most part of all the decisions and projects approved at the Council weren't carried out due to the situation that took shape after the upheaval of 1917.

But this information hasn't been lost and is considered to be a legacy for the era of the spiritual revival of the Church life nowadays.